

ВОЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ СТРАН АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

MILITARY COUP: A THEORETICAL UNDERSTANDING OF POLITICAL PRACTICE IN SUB-SAHARAN AFRICA

**N. Medushevsky
A. Abramova**

Summary: This article presents the author's study of the nature of military coups in sub-Saharan Africa. The authors consider both the phenomenon of a military coup and the conditions that contribute to its origin. The study is based on the authors' appeal to a wide group of examples of military coups that occurred on the continent in the post-colonial period. The study examines the prerequisites for coups, including the weakness of democratic institutions, the role of security and the monopolization of this role by the army, the dependence of the armed forces on former metropolises. In the study, military coups are presented as, in many ways, a forced decision to overcome socio-political and economic crises, which often occurs not only under the slogan of stabilization, but also the creation of a fair socio-political order. However, having come to power, the military, in most cases, usurp power, which leads to the establishment of a dictatorship, and ultimately, hinders the balanced development of the state.

Keywords: military coup, Sahel, army, dictatorship, security.

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук, профессор, Российский
государственный гуманитарный университет;
Доцент, Российский университет дружбы народов
Lucky5659@yandex.ru

Абрамова Алина Алиевна

Российский университет дружбы народов
no.abramova@yandex.ru

Аннотация: Данная статья представляет авторское исследование природы военных переворотов в Африке южнее Сахары. Авторы рассматривают как сам феномен военного переворота, так и условия, способствующие его происхождению. Исследование построено на обращении авторов к широкой группе примеров военных переворотов, происходивших на континенте в постколониальный период. В исследовании рассматриваются предпосылки переворотов, в том числе слабость демократических институтов, роль безопасности и монополизацию данной роли армией, зависимость вооруженных сил от бывших метрополий. В исследовании военные перевороты представляются как, во многом, вынужденное решение для преодоления социально-политических и экономических кризисов, которое часто происходит не только под лозунгом стабилизации, но и создания справедливого социально-политического порядка. Тем не менее, придя к власти, военные, в большинстве случаев узурпируют власть, что ведет установлению диктатуры, и в конечном итоге, препятствует сбалансированному развитию государства.

Ключевые слова: военный переворот, Сахель, армия, диктатура, безопасность.

Введение

Военные перевороты в Западной Африке и в Африке в целом имеют глубокие политико-исторические корни, основанные на применении вооруженных сил как основного элемента утверждения власти метрополий в колониях, особенно на поздних этапах колониального господства. После завершения колониального этапа истории армия трансформируется из инструмента колониализма в гарант суверенитета новых государств перед внешними военными вызовами, и что более актуально, перед угрозой внутреннего сепаратизма. Во многих случаях это ведет к тому, что вооруженные силы получают «монополию на безопасность» и начинают самостоятельно использовать данный властный ресурс, идя по пути абсолютизации власти, и трактуя слабость демократических гражданских институтов как основание для их упразднения в пользу силового наведения порядка в стране.

Сам же феномен военного переворота можно охарактеризовать как принудительную (часто силовую) смену действующего политического режима на диктатуру

военных, представленную либо их коалицией (хунтой), либо личностью военного-диктатора. Как правило, военный переворот обусловлен двумя факторами: низкой легитимностью действующей власти и включенностью армии в политику. Причина, по которой военные перевороты следует рассматривать как особый тип переворотов, связаны с высоким уровнем институционализации армии, способным подменить гражданские институты, особым мобилизационным потенциалом, связанным с внутриармейской субординацией, и военным (силовым) ресурсом, обладающим высокой принуждающей силой.

Несмотря на типичность военных переворотов, следующих из представленного определения, вопрос их распространенности на Африканском континенте в постколониальный период и их возникновение в виде «волн» распространения является серьезной исследовательской проблемой, изучению которой и посвящена данная статья.

Методология и историография

Представленное исследование построено на при-

менении диахронного метода, позволяющего рассматривать изучаемый постколониальный период исторического процесса через его фрагментацию на определенные этапы, в которые объект нашего изучения – военные перевороты, происходили чаще и принимали характер системного явления для региона.

Историография проблемы исследования представляется обширной, но крайне фрагментированной, так как авторы, обращающиеся к изучению военных переворотов, в т.ч. в Африке, рассматривают их на частных примерах, рассматривая модель военных переворотов, как некое утвержденное явление, которое, тем не менее в современной историографии не было представлено в системном виде. Таковы, например, работы В.Р. Филиппова [13],[14], Л.М. Исаева и А.М. Ильиной [8], А.Ю. Чалышева [16], Л.М. Садовской [11] и др. Комплексной работой по изучаемой проблеме является монография Г.И. Мирского [9]. Также комплексный взгляд на военные перевороты, хотя и в более широком социально-политическом ключе дан в статье Г.М. Сидоровой [12].

В западной литературе, наряду с аналогичными тематическими публикациями, посвященными осмыслению конкретных военных переворотов, внимание также привлекает ряд комплексных исследований, в их числе, работа А.Б. Ассенсона [19], В.Ф. Гуттериджа [24].

Исторический статус армии и влияние колониализма

В доколониальный период традиционные африканские общества, в своем большинстве, находились на раннефеодальной стадии развития, т.е. представляли собой относительно крупные политические центры, связанные системой данничества с периферийными племенными сообществами. Также, в данных обществах, как правило, сохранялось рабовладение, где рабами становились представители других общин, захваченные в ходе военных походов. Вооруженные силы такого рода политических образований, как правило подчинялись вождям, объединявшим под своим контролем всю полноту власти в обществе. При этом статус воина всегда был высок, так как он выступал носителем власти и был приближен к вождю сообщества, постоянно ведущему войны с соседними племенами. Кроме того, от поддержки воинов часто зависело и решение о выборе нового вождя, способного возглавить войско в борьбе с врагами племени [19].

Несмотря на архаичность данной политической модели и ее сходство с европейскими «военными демократиями» раннего средневековья, данная модель отражала взгляды коренного африканского населения на легитимное политическое устройство, и просуществовала до начала XX в., во многих случаях вступая в конфликт с европейскими колонизаторами, стремившимися данную

систему переформатировать – таковы, например, были «воины ашанти», завершившиеся только в 1902 г [20].

Колониальные власти, начиная со второй половины XIX в. постепенно расширяли сферу своего контроля вглубь континента, однако немногочисленность колонистов сохраняла потребность в опоре на традиционные институты власти и их интеграцию в колониальную систему. Тем не менее, все колониальные администрации создавали собственные вооруженные силы, представленные полицией и военными подразделениями, и хотя в данных подразделениях офицерские должности занимали исключительно европейцы, сам состав формировался из представителей коренного населения, причем в приоритетном порядке набирались представители конкретных немногочисленных, часто отдаленных территориально этнических групп, чтобы в случае конфликта они без колебаний выступили против других этнических групп на стороне колонизаторов [3]. Корни данной этнической диверсификации уходят еще в период расцвета работорговли, когда представители конкретных этнических групп занимались отловом рабов и их продажей, становясь экономическими партнерами европейцев.

Большой объем «человеческого ресурса» и низкая стоимость рекрутов сделали колониальные подразделения привлекательными для использования и за пределами Африки, в т.ч. на европейском театре военных действий.

В первую очередь это касается Франции, где «сене-гальские стрелки» принимали участие во франко-прусской войне 1870 г. и обеих мировых войнах [12], когда речь шла уже о массовом вовлечении африканцев в вооруженные силы и военные действия.

Участие большого количества африканцев в мировых войнах повлияло на их мировоззрение и опыт. С одной стороны, глобальные конфликты продемонстрировали африканским рекрутам правомерность убийства белых и отсутствие у них особого морального статуса. С другой стороны, участие африканцев в глобальных конфликтах дало им ценный боевой опыт, и при этом породило фрустрацию, так как по возвращении на родину они не получили ни равенства прав, ни независимости.

Роль военных после обретения независимости африканскими странами

Предоставление независимости африканским странам привело к необходимости создания национальных вооруженных сил из местного населения, что создало своеобразную проблему перехода, так как африканцы не имели права занимать в европейских армиях звания выше капрала, т.е. для создания генералитета новых армий привлекались младшие чины, – преимущественно

сержанты, имевшие опыт службы в европейских армиях.

В то же время сами армии новых государств в своем составе наследовали вооруженным подразделениям колониальных администраций, в которых доминировали этнические меньшинства, умышленно противопоставлявшиеся остальной части общества. Таким образом возникала парадоксальная ситуация, в соответствии с которой армия не только не выступала универсальным социальным институтом, но наоборот, закрепляла этническое противостояние, и при этом управлялась офицерами без военного образования и проводящими в вооруженных силах интересы своей этнической группы (феномен кумовства) [12]. Все это затрудняло возможности армии стать общенациональным социальным институтом» [24].

В итоге, в большинстве молодых африканских государств, получивших независимость «мирным путем», армия стала пассионарным элементом, оппозиционно настроенным как к власти этнического большинства, так и к демократическим и гражданским институтам, в переходный период испытывавшим кризис развития. Также на стороне армии оставалась и консервативная традиция значительной части населения, рассматривавшего главу государства как полновластного вождя, способного заставить недовольных подчиняться. В итоге, именно эти причины и стали основанием для множества военных переворотов, последовавших за «фрустрацией» от неспособности демократических лидеров преодолеть постколониальный кризис и обеспечить стабильность существования граждан.

Кроме того, вновь созданные вооруженные силы на начальном этапе, а часто и долгие годы после, оставались ангажированы европейским влиянием, так как, кроме назначения на высшие посты бывшего сержантского состава колониальных армий, зависели от бывших метрополий в вопросах обучения состава, предоставления вооружений и техники, финансирования, логистики, ремонтной инфраструктуры и т.д. Все это делало армии африканских стран инструментом неоколониальной политики западных держав [7].

Являясь наиболее стабильными образованиями в новых социально-политических системах, опираясь на этнические группы и иностранную поддержку, армии африканских государств быстро превращаются в политических акторов, усматривая за собой право проводить в общества идеи стабильности и порядка.

Милитаризм как идеология африканских военных не был консервативным. Перевороты сопровождалась идеями создания общества нового типа, где военные лидеры управляют странами так, как будто они ведут войны. Они обещали создать изобильный, упорядоченный

мир, принести вторую, более глубокую и прочную свободу, чем та, которую принесла формальная независимость. Армия восстановила бы достоинство, утраченное колониализмом, и укрепила бы нацию, чтобы иностранцы никогда больше не смогли завоевать ее [23].

Обратной стороной военных переворотов была слабость либеральной демократии, фактически созданной европейскими странами для коалиционных элит, в т.ч. в Гане, Того, Кот-д'Ивуаре, Нигерии и многих других странах Африки. Диалог местных элит, большая часть из которых были этническими, оставался возможным на этапе деколонизации, - т.е. их объединяла общая цель – освобождение. Однако после того, как страна получала независимость, ранее действовавшие вместе политические партии и сообщества, которые они представляли, начинали активную борьбу за власть, далеко выходя за границы демократических процедур, и ориентируясь на узурпацию власти действующим лидером, действующим, тем не менее, в отрыве от основных силовых институтов – армии и полиции. Таким образом, военный переворот выступал прямой необходимостью и фактически наиболее эффективным и быстрым методом наведения порядка во избежание раскола страны или гражданской войны.

Как итог, в 1960-1970-е гг. именно армия оказалась основным носителем авторитаризма в африканских странах. Выход военных на политическую арену был проявлением кризиса социально-политических структур, попыткой преодолеть перманентную внутривнутриполитическую нестабильность в пользу порядка [5], но в реальности обозначал лишь консервацию власти и откладывание процесса демократизации на неопределенный срок.

Военные перевороты в Африке XXI века

В новом столетии ситуация с военными переворотами не изменилась и только с начала XXI века в странах Африки произошло более десятка военных переворотов.

Перевороты, иногда многократные, происходили в ЦАР, Мали, Буркина Фасо, Нигере, Судане, Гвинее, Зимбабве [4].

Для части этих стран военные перевороты стали уже традицией, которая зародилась еще в середине прошлого столетия. Так, например, в Буркина-Фасо военные захватывали власть девять раз. Это стало особенностью в том числе политической культуры части африканских тропических государств.

Как уже было отмечено ранее, после обретения независимости бывшими колониями стало очевидно, что либеральная демократия неспособна прижиться. В дей-

ствительности, можно предположить, что реальная демократия в Африке даже не была введена. Можно предположить, что возникает феномен, который британский исследователь Пол Кольер метко назвал «демокрэзией» (*democrazy* – или *демократтия безумцев*) [21], а в отечественной литературе его принято квалифицировать как «направляемая демократия», «квазидемократия» или «псевдодемократия». Таким образом, Африка имеет только налет демократии. Например, в период с 1990 по 2019 год действующие президенты выиграли 88% из 112 выборов, на которых они баллотировались. Как справедливо отмечали авторы книги «Африка: власть и политика», проблемы власти, господства и подчинения в африканском обществе имеют давние традиции, основой которых является авторитаризм, в традиционном мышлении воспринимаемое как уважение к власти и лидеру. При этом африканская система ценностей имеет консервативный и авторитарный характер.

Фактор легитимности играет особую роль в совершении военных переворотов. По опросам за 2022 года по данным *The Economist* в среднем в 36 странах больше африканцев (53%) были бы готовы рассмотреть вопрос о военном правительстве, чем исключить его (42%), «если избранные должностные лица злоупотребляют своей властью», что они часто делают. Только 38% выразили удовлетворение «демократией», что является самой низкой долей, по крайней мере, с 2014 года.

Помимо этого, для Африки особо характерным является фактор обеспечения безопасности. Как бы это иронично ни звучало, но обеспечение безопасности для многих африканцев напрямую ассоциируется с властью военных и с усилением вооруженных сил страны. По данным на 2021 год, на Африканском континенте насчитывалось 99 конфликтов различной степени интенсивности. Из них в 22 отмечено ведение боевых действий, в 37 – отдельные проявления насилия (нередко на локальном уровне). Соответственно, ровно 40 очагов напряженности находятся на стадии деэскалации, политического торга или готовности начать бои при благоприятной конъюнктуре [22]. Также, общее число африканских конфликтов растет согласно статье, опубликованной в 2021 году Исследовательским институтом мира Осло. Отмечалось, что небольшие конфликты вызвали больше смертей в 2021 году, чем когда-либо с момента начала его данных в 1989 году. Количество конфликтов, в которых по крайней мере одна сторона является государством, было выше в 2021 году, чем десять лет назад. Неспособность отразить мощные конфликты привела к тому, что, во многом, жители видят в военном правлении помощь и избавление от военной опасности от сторонних объединений и организаций [18].

Для современных африканских стран очень актуальна аргументация, основанная на этнической принадлеж-

ности, которые, как правило, отличаются разнообразием этнического состава. Как утверждается, доминирование одной этнической группы может способствовать риску военного смещения: это создает ситуацию, когда лидер и его победившая коалиция, скорее всего, одного происхождения, так что верность членов коалиции ослабевает по мере увеличения численности этнической группы. Таким образом, заговорщики стремятся обезопасить свое положение, выбирая надежного преемника или иногда пытаются занять пост самостоятельно. С другой стороны, правитель подвергается риску, если в этнически перекошенной армии его институциональные интересы оказываются под угрозой, не гарантированы или дискриминированы – то есть, скорее всего, войска не разделяют происхождение действующего президента. Тогда захват власти для продвижения собственных привилегий и защиты от возвышения другой этнической группы представляется оптимальным решением. Примером может стать Гана. Так, одним из важных факторов свержения демократического правительства в 1972 году стали массовые чистки этнических групп Эве и Га. Обе они пришли к власти во время предыдущего военного правления, что привело к их разногласиям с этническими группами акан, доминировавшими в представленном кабинете.

Еще одним фактором является традиционное влияние бывшей метрополии на бывшие колонии. Особенно это заметно на примере бывших французских колоний. Все чаще в последние годы стали звучать слова о пересмотре политики Макрона в отношении африканских стран. В последние годы все чаще можно наблюдать информацию о выводе французских войск с разных стран Западной Африки. Так, например в феврале 2025 года стало известно о том, что Сенегал и Франция договорились о выводе войск до конца 2025 года [25].

Рим Момтаз, научный сотрудник Международного института стратегических исследований (Париж), в беседе с *Bloomberg* указывает на тревожный паттерн: вот уже в третьей бывшей французской колонии (Нигер), после Мали и Буркина-Фасо, госпереворот сопровождается антифранцузскими протестами, атакой на посольство Франции и призывами к выводу из страны французских военных [15]. Часть стран избрали путь борьбы с механизмами неокOLONIALИЗМА и выступают с публичной риторикой о важности перехода к собственным силам. Помимо этого, все чаще во время военных переворотов замечены панафриканистские лозунги и призывы к созданию единой Африки или лозунги о новом «своем» особом пути развития африканских стран.

Экономическое объяснение служит удобным инструментом для изучения действий по смене режима. Будучи членами победившей коалиции, участники переворота стремятся максимизировать накопленные частные блага, а также вероятность долгосрочного удержания

в элите. Таким образом, действующие власти становятся особенно уязвимыми в периоды провалов доходов, когда потенциальные заговорщики не могут быть эффективно кооптированы. Таким образом, периоды экономических спадов, не говоря уже о слабой экономике в целом, обуславливают рост риска переворота. Ситуация усугубляется, если экономика зависит от экспорта: тогда колебания внешнего рынка существенно ухудшают возможность сохранения статус-кво [6].

Сюда же следует добавить коррупцию, расцвет теневой экономики, которые способствуют оттоку капитала из африканских стран и препятствуют притоку инвестиций из-за рубежа [1], т.е. дефицит денежной массы и неразвитость экономики создают выраженные финансовые каналы, которые контролирует политическая элита, что побуждает контрэлиты, и прежде всего армию, обладающую силовым ресурсом, устраивать очередной переворот, устанавливая контроль над финансовым потоком.

При этом важно, что у военных переворотов в Африке южнее Сахары в XXI веке есть особенности по сравнению с переворотами прошлого столетия. «Стереотипный государственный переворот предполагает, что самые высокопоставленные военные (то есть генералы) свергают правительство в результате короткого, но потенциально насильственного инцидента, который вызывает массовую панику среди населения», – отмечает американский эксперт Александр Хадсон. Однако сегодня в Тропической Африке формируется новая модель государственного переворота. В ней лидеры переворотов немного моложе, перевороты имеют менее насильственный характер, к тому же в некоторых случаях они происходят при народной поддержке на фоне политической стагнации и серьезных проблем с безопасностью [10].

Особенностью новой волны африканских переворотов стало и то, что одна смена власти происходила практически сразу после другой. Так было, например, в Судане (в 2019 и в 2021 гг.), и в Буркина Фасо. Последовательные перевороты носили различный характер: это были и контрперевороты, и корректировки внутри пришедшей к власти группировки [2], что на наш взгляд, указывает на развитие политического пространства от-

дельных стран и формирование множества клиентел, борющихся за власть.

Заключение

По итогам анализа мы можем констатировать, что военные перевороты в Африке южнее Сахары имеют глубокие исторические корни и берут свои корни еще в колониальные времена. Получение независимости привело к образованию огромного количества сложностей в рамках формирования армии фактических новых свободных государств. С другой стороны, существовала проблема и в рамках заполнения политического вакуума, который заполнялся военными, обладающими силовым ресурсом. Как итог, уже в 1963 году в Африке произошел первый военный переворот. В XXI веке военные перевороты начали превращаться в перевороты с новыми особенностями, связанными, в том числе с активным участием низших армейских чинов и широкой общественной поддержкой. В данной связи, значимым фактором является попытка путчистов прервать влияние бывших метрополий, что особенно свойственно странам Западной Африки. Не менее важным является и этнический фактор, который по мере социального развития обществ, характеризуется все большей асимметрией в благополучии разных этнических групп. По итогам исследования мы можем сделать вывод о том, что военные перевороты в странах Африки южнее Сахары продолжают происходить, и единственным средством противодействия данному явлению является стабильное и комплексное развитие самих африканских обществ, с эффективно выстроенной системой социальных благ и низким уровнем безработицы. В то же время, данные условия для многих африканских государств недостижимы даже в среднесрочной перспективе, так как действующие политико-экономические механизмы, в большинстве случаев, удовлетворяют лишь интересам элиты и внешних контрагентов, включая бывшие метрополии и ТНК. Таким образом, источником стабилизации политических систем на континенте и их демилитаризации, становится устранение первопричины нестабильности – системы выгодополучателей, покровительствующим любому правительству, в т.ч. диктатуре, готовому эксплуатировать население и ресурсы страны в угоду внешнему потребителю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018.11(5). С. 6–21.
2. Африканские перевороты новой волны // Фонд стратегической культуры. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/10/03/afrikanskie-perevoroty-novoj-volny.html> (дата обращения: 25.04.2025).
3. Африканские стрелки: колониальные войска Великобритании стали основой вооруженных сил независимых государств Африки // *Военное обозрение*.

- URL: <https://topwar.ru/53517-afrikanskie-strelki-kolonialnye-voyska-velikobritanii-stali-osnovoy-vooruzhennyh-sil-nezavisimyh-gosudarstv-afriki.html> (дата обращения: 02.04.2025).
4. Военные перевороты в Африке — инструмент неокOLONIALИЗМА // NEO. URL: <https://journal-neo.su/ru/2022/01/07/voenny-e-perevoroty-v-afrike-instrument-neokolonializma/> (дата обращения: 22.04.2025).
 5. Валиахметова Г.Н. Авторитаризм и демократия в африканских странах / Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке: сборник материалов Зимней школы, Екатеринбург, 4–15 января 2000 г. — Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 2000. С. 157–165.
 6. Военные перевороты в Африке: объяснение неудавшихся попыток в странах к югу от Сахары (1960–2012 гг.) // ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/edu/vkr/364842144> (дата обращения: 30.04.2025).
 7. Горелов А.А. От мировой колониальной системы до глобального неокOLONIALИЗМА // Век глобализации. 2014. №2. С. 52–64.
 8. Исаев Л.М., Ильина А.М. "Перестройка" по-нигерски: причины военного переворота 2023 г. // Азия и Африка сегодня. 2023. № 11. С. 15–22.
 9. Мирский Г.И. «Третий мир»: общество, власть, армия. Москва.: «Наука». 1976. 408 с.
 10. Названы необычные черты переворотов «нового поколения» в Африке: «эффект домино» // МК.RU. URL: <https://mk-ru.turbopages.org/mk.ru/s/politics/2023/09/02/nazvany-neobychnye-cherty-perevorotov-novogo-pokoleniya-v-afrike-effekt-domino.html> (дата обращения: 20.04.2025).
 11. Садовская Л.М. Буркина Фасо: от незавершенного народного восстания до военных переворотов // Азия и Африка сегодня. 2024. № 3. С. 48–56.
 12. Сидорова Г.М. Африка и общество в Африке: история и современность // Контуры глобальных трансформаций. 2017. №3. С. 130–143.
 13. Филиппов В.Р. Буркина Фасо: путч 2022 года // Азия и Африка сегодня. 2022. № 7. С. 40–47.
 14. Филиппов В.Р. Африканская политика Франции в 2017–2023 годах // Азия и Африка сегодня. 2023. № 5. С. 65–73.
 15. Франция уступает России влияние в Африке. Как переворот в Нигере стал провалом политики Эммануэля Макрона? // Лента URL: https://lenta.ru/news/2023/08/04/france_afrique/ (дата обращения: 29.04.2025).
 16. Чалышев А.Ю. Военный переворот в Габоне как фактор утери контроля Франции в регионе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2024. № 3. С. 61–71.
 17. Adeoye O. Akinola Rethinking the Resurgence of Military Coups in Africa // Contemporary Issues on Governance, Conflict and Security in Africa. 2023. pp. 147–157.
 18. Africa's coups are part of a far bigger crisis // The economist URL: <https://www.economist.com/international/2023/10/03/africas-coups-are-part-of-a-far-bigger-crisis> (дата обращения: 24.04.2025).
 19. Ascenson A.B. African Military History and Politics: Coups and Ideological Incursions, 1900–Present. New York: Palgrave. 2001. 215 p.
 20. Armitage Sir C.H. and Montanaro A.F. (2011), The Ashanti Campaign of 1900. Cambridge: Cambridge University Press. 335 p.
 21. Collier P. Breaking the conflict trap: civil war and development policy. Washington, DC: World Bank; New York: Oxford University Press. 2003. 221p.
 22. Conflict Barometer 2021 // Гейдельберский институт изучения международных конфликтов. URL: https://hiik.de/wp-content/uploads/2022/03/CoBa_01.pdf (дата обращения: 10.03.2025)
 23. Fury S. Childs Daly Soldier's Paradise. Militarism in Africa after Empire. US: Duke University Press 2024. 178 с.
 24. Gutteridge W.F. Military Regimes in Africa. London: Methven & Co Ltd. 1975. 208 p.
 25. Сенегал: Франция начала вывод войск из Сенегала // ТАСС URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23045017> (дата обращения: 29.04.2025).

© Медушевский Николай Андреевич (Lucky5659@yandex.ru), Абрамова Алина Алиевна (no.abramova@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»